

**Федеральное казённое образовательное учреждение
высшего образования «Кузбасский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»**

О. А. Белоусова

ССЫЛКА И КАТОРГА В ЦАРСКОЙ РОССИИ

учебное пособие

Новокузнецк, 2018

УДК 93+343.26+343.813

ББК 63.3(2)

Б 43

Рецензенты:

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России,
кандидат исторических наук **А. П. Веселова**;
директор института фундаментального образования СибГИУ,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент **А. В. Шмыглева**

Белоусова О. А.

Б 43 Ссылка и каторга в царской России : учебное пособие / канд. ист. наук, доц. О. А. Белоусова. — Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018. — 40 с.

Учебное пособие предназначено для курсантов, слушателей и студентов образовательных учреждений ФСИН России, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность», «Психология и педагогика девиантного поведения».

УДК 93+343.26+343.813

ББК 63.3(2)

*Учебное пособие рассмотрено и одобрено
на заседании Методического совета
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
21 ноября 2017 года (протокол № 4);
рекомендовано к изданию решением
Совета по научной и редакционно-издательской деятельности
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
26 декабря 2017 года (протокол № 11)*

© ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России, 2018

Оглавление

Введение.....	4
1. Каторга как вид наказания в России в XVII — начале XX вв.....	5
2. Ссылка как вид наказания в России в XVII — начале XX вв.....	11
3. Материалы для дополнительного чтения:	
О вынимании у каторжных колодников ноздрей до кости (Именной Указ, 15 января 1724 г.).....	16
Об освобождении из-под ареста и прощении колодников, кроме содержащихся за вины по первым двум пунктам, за смертоубийство и неоднократный разбой (Сенатский Указ, 27 января 1725 г.).....	16
О неотпускании в Москве колодников для прошения милостыни на связках без верхней одежды в одних рубашках, и продовольствовать их пищу (Сенатский Указ, 23 декабря 1736 г.).....	17
Об употреблении колодников в казённые работы и о платеже им за то кормовых денег (Резолюция Кабинета Министров на доклад Комиссии о Санкт-Петербургском строении, 1 июля 1738 г.).....	17
Максимов С. В. «Сибирь и каторга».....	19
4. Вопросы для самоконтроля.....	38
5. Список использованных источников и литературы.....	39

Введение

История — предмет, которым, так или иначе, интересуется большинство граждан в любой стране. А история становления и развития государства в первую очередь подразумевает становление и развитие его властных структур. Отдельное внимание к себе как профессиональных историков, так и любителей, привлекают органы охраны правопорядка. Их деятельность неразрывно связана и зависима от политического режима, социальных и экономических процессов, происходящих в стране. Эффективное функционирование государства также зависит от наличия и функционирования правоохранительной и карательной системы.

Особый интерес исследователей — пенитенциаристов, историков, филологов, философов и других — всегда вызывали такие формы наказания, как ссылка и каторга. В Российской империи они широко применялись уже с конца XVII в. В рамках данного вопроса учёными рассматривались взаимоотношения общества и государства, развитие карательной политики и пенитенциарной системы, геополитические процессы (освоение новых территорий, расширение России на восток), культурное и экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Несомненно, что каторга и ссылка оказали влияние на судьбы целых поколений, изменили внутренний и внешний облик регионов.

В настоящем пособии автором сделана попытка обобщения накопленных исторических знаний по вопросам становления и развития ссылки и каторги в России. Материалы пособия должны помочь обучающимся при изучении дисциплины «История УИС и органов юстиции».

Пособие предназначено для курсантов, студентов и слушателей, обучающихся по специальностям 40.05.02 — Правоохранительная деятельность, 40.03.01 — Юриспруденция, 44.05.01 — Педагогика и психология девиантного поведения, а также всем, интересующимся историей России.

1. Каторга как вид наказания в России в XVII — начале XX вв.

Каторга стала применяться в практике уголовных наказаний с конца XVII в. Первая группа арестантов была направлена на каторжные работы в 1699 г. после подавления стрелецкого бунта. С этого времени каторга стала использоваться властью для расправы с особо опасными преступниками как политическими, так и уголовными, и справедливо считаться наиболее тяжёлым видом наказания после смертной казни. Причиной её появления является социально-экономическое развитие России конца XVII — начала XVIII в.: экономический рост требовал притока рабочих рук, однако эта задача ограничивалась условиями крепостного права. Здесь же следовало учитывать не только необходимое огромное число рабочих, но и вероятные же огромные человеческие потери в ходе реализации петровских идей (выход к морю, развитие промышленности). Каторжный труд позволял реализовать поставленные цели с наименьшими затратами для бюджета казны. Таким образом, к началу XVIII в. перед каторгой как формой наказания были поставлены следующие задачи: изоляция преступника, дешёвая рабочая сила и освоение новых территорий Российской империи.

Места каторжных работ определялись сиюминутными потребностями государства. В конце XVII — начале XVIII вв. это был Азов, где велось строительство русского морского флота. Затем каторжан стали направлять на рудники Урала и Западной Сибири. К концу XVIII в. в процессе освоения новых территорий каторжный путь достиг Дальнего Востока.

Пожалуй, первым документом, регламентирующим направление осуждённых на каторжные работы, стал Артикул воинский 1715 г. Артикул предусматривал ужесточение наказания, в том числе расширялось применение смертной казни, телесных наказаний, тюремного заключения. В нём же появились новые виды наказания: «ссылка на галеры» (на корабли Азовской и Балтийской флотилий) и каторжные работы на определённый срок либо бессрочно. Например, каторжные работы на определённый срок назначались за прелюбодеяние, за повторный побег рекрутов, неуплату налогов и др. Вечная каторга назначалась за ношение бороды и русского платья.

Каторжный труд широко использовался при строительстве новых городов: Санкт-Петербурга, Оренбурга. Со временем каторга стала рассматриваться как форма наказания, где обязательным являлся тяжёлый физический труд на пользу государства. При вынесении наказания судом понятия «ссылка на работы» и «каторга» объединились в «ссылку на каторгу».

Использование каторжных работ резко возросло в связи с приостановлением с 1744 г. весьма широкого применения смертной казни. Императрица Елизавета Петровна предлагала заменять казнь срочной или бессрочной каторгой. С 1746 г. по её же указу для облегчения розыска беглых преступников, а также чтобы они «от прочих добрых и неподозрительных людей были отличны»¹, воров и

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: с 1649 по 12.12.1825. — СПб., 1830. — Т. 12. — № 9293 // Государственная публичная историческая библиотека. — URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/178>.

разбойников, осуждённых к каторге, стали клеймить словом «вор». Клеймение проводилось специальным прибором: на кожу лица наносились специальные ранки, которые затем натирали порошком, смесью туши и индиго.

Клеймо выглядело следующим образом: на щеках и лбу преступника ставили четыре буквы «В», «О», «Р» и «Ъ», «означая на лбу ВО, на правой щеке Р, а на левой Ъ»². Во второй половине XVIII в. стали обозначать на лице человека его преступление. Так, убийце ставили «У». Участников восстания Емельяна Пугачёва клеймили буквами «З» — «злодей», «Б» — «бунтовщик» и «И» — «изменник». С 1846 г. слово «ВОР» заменили словом «КАТ» для каторжных, «С» и «Б» для ссыльнобеглых и «С», «К» для ссыльнокаторжных³. Рану завязывали и запрещали прикасаться к ней сутки. Если приговор признавался ошибочным, то издавали специальный документ, подтверждающий невиновность человека⁴. Впрочем, преступники научились выводить клейма: не давали заживать «правильным» ранкам и растравляли их. В результате чёткие очертания букв терялись.

Позорная процедура клеймения была отменена 17 апреля 1863 г.

С 1754 г. осуждённых ссыльнокаторжных стали заковывать в кандалы. В кандалах их перегоняли и до места отбывания наказания — а это могло быть за тысячи километров от родного дома. Вели арестантов на каторгу по Московскому тракту, который быстро переименовали в Великий кандальный путь. В пути заключённые находились от 1 года до 1,5 лет, и это время в общий срок каторжных работ не входило. Вплоть до 1811 г. конвоированием занимались все подряд: башкиры, мещеряки, казаки.

В 1811 г. Александр I принял «Положение для внутренней стражи». Согласно ему этапирование арестантов было возложено на специально созданные караульную и конвойную службы. В 1815–1816 гг. были образованы Отдельный корпус внутренней стражи и внутренняя стража Сибири. Первым командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант Е. Ф. Комаровский. Внутреннюю стражу частично составляли так называемые «инвалиды», т. е. вышедшие на пенсию по возрасту солдаты. Именно их чаще всего и привлекали к этапированию по Великому кандальному пути осуждённых.

Этапные команды размещались на пересыльных пунктах тракта, «этапах» и «полуэтапах». Команда состояла из обер-офицера, двух унтер-офицеров, 25 солдат, барабанщика, четырёх конных городских казаков. Полуэтапы располагались на расстоянии 15–25 вёрст друг от друга и предназначались для ночлега и отдыха. Этапные тюрьмы находились в крупных городах (например, Томск, Омск, Иркутск), всего же на протяжении кандального пути был создан 61 такой пункт. Здесь арестантские партии переформировывались, доукомплектовывались, заключённым выдавали одежду, проводили лечение и т. д.

² Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: с 1649 по 12.12.1825. — СПб., 1830. — Т. 12. — № 9293 // Государственная публичная историческая библиотека. — URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/178>.

³ Анисимов, Е. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века // Электронная библиотека ModernLib.net. — URL: http://modernlib.net/books/anisimov_evgeniy_viktorovich/russkaya_pitka_politicheskiy_sisk_v_rossii_xviii_veka/read_24/.

⁴ Там же.

Расходы по устройству и содержанию этапных зданий возлагались на государственное казначейство, а содержание дорог проводилось из местного бюджета⁵.

В 1822 г. под руководством М. М. Сперанского был разработан ряд Положений, регламентирующих деятельность органов местного управления в Сибири. В том числе, был принят «Устав о ссыльных и об этапах», определявший, что ссылка в Сибирь могла быть либо на поселение, либо на каторжные работы. Устав регламентировал каторжный труд, определял виды преступлений, предполагавших подобные наказания, а также оговаривал оставление на поселении в Сибири освободившихся заключённых⁶. Определялся также порядок и способы применения оков к каторжникам, этапироваемым в Сибирь. Обязывалось заковывать в ручные и ножные кандалы осуждённых к каторжным работам без срока мужчин и женщин; в ножные — всех осуждённых к срочной каторге мужчин.

По делу восстания декабристов 14 декабря 1825 г. в 1826 г. состоялось несколько судебных процессов. Для 124 человек приговором стала «политическая смерть» (то есть лишение всех юридических прав) и ссылка в Сибирь, 96 из них — на каторжные работы, остальные — на поселение с лишением чинов и дворянства в сибирские гарнизоны с разжалованием в солдаты и на поселение с правом вступления в службу, но под строгим полицейским надзором. Ссылка декабристов должна была решить две задачи: устрашение дворянского сословия и изоляция государственных преступников.

Декабристы, являясь представителями привилегированного сословия, тем не менее, не были освобождены от телесных наказаний и ношения кандалов (оковы были сняты с них только в 1828 г.). На каторге осуждённые содержались в отдельных камерах и под специальной охраной. Задачей охраны было не допустить общения осуждённых между собой и с другими заключёнными, а также с местными жителями. Надзор за государственными преступниками осуществляли самые разные организации, в том числе III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, губернские органы власти, тюремная администрация.

В отличие от уголовников, направляемых на каторгу пешком этапом по 100–200 человек, декабристов, как особо опасных преступников, пересылали малыми группами (2–6 человек) на телегах в сопровождении жандармов и фельдъегеря. В отличие от 1,5 лет пешего пути, такая дорога занимала до 1,5 месяцев. Первых прибывших распределили на Иркутский солеваренный, Александровский и Николаевский винокуренный заводы. Однако власти рассмотрели это как послабление, и арестантов перевезли в Благодатский рудник, а затем в Читу, где было решено собрать всех осуждённых в каторжную работу. Здесь

⁵ Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. Энциклопедический словарь. — СПб.: Семёновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890–1907.

⁶ Сулейманова, Г. И. Ревизия М. М. Сперанского // Молодой учёный. — 2016. — № 15. — С. 381–383. — URL: <https://moluch.ru/archive/119/33043/>.

декабристов задействовали на земляных работах: рытьё рвов под фундамент будущей тюрьмы, засыпание оврагов и другое⁷.

По завершении срока каторжных работ декабристы должны были остаться на вечное поселение в Сибири. 30-летняя ссылка закончилась со смертью Николая I. Император Александр II в 1856 г. подписал манифест об амнистии декабристов.

В 1845 г. Николай I подписал «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». В нём устанавливалось два разряда наказаний: уголовные и исправительные. К уголовным наказаниям относились: лишение прав состояния и ссылка в каторжные работы; публичное наказание от тридцати до ста ударов плетьюми через палачей, с наложением или без наложения клейма; ссылка на поселение в Сибирь; ссылка на поселение на Кавказ.

Применение каторжных работ и плети подразделялись по своей тяжести на семь ступеней:

«первая — работы в рудниках без срока; 100 ударов плетьюми;

вторая — работы в рудниках на срок от 15 до 25 лет; от 80 до 90 ударов плетьюми;

третья — работы в рудниках на срок от 12 до 15 лет; от 70 до 80 ударов плетьюми;

четвёртая — работы в крепостях на срок от 10 до 12 лет; от 60 до 70 ударов плетьюми;

пятая — работы в крепостях на срок от 8 до 10 лет; от 50 до 60 ударов плетьюми;

шестая — работы на заводах на срок от 6 до 8 лет; от 40 до 50 ударов плетьюми;

седьмая — работы на заводах на срок от 4 до 8 лет; от 30 до 40 ударов плетьюми»⁸.

К середине XIX в. поток ссыльнокаторжных в Сибирь значительно вырос. Если при Александре I ежегодно в Сибирь в среднем отправлялось 2–3 тысячи арестантов, то при Николае I — 10–11 тысяч. В 1856 г. был создан Тобольский разбойный приказ, который организовывал отправку беглых крестьян и уголовников на каторгу или в ссылку. В 1858 г. было принято «Положение о перевозке арестантов по Николаевской железной дороге». С 1863 г. отменены телесные наказания для женщин, наложение клейма, битьё шпицрутенами в армии.

Отдельный корпус внутренней стражи был упразднён в 1864 г. Обязанности по сопровождению арестантов с 1864 по 1886 гг. исполняли местные и резервные войска (в их состав, в том числе, входили этапные команды и военноположенческие роты). В губерниях препровождением арестантов и ссыльных, караульной службой ведали специально введённый воинский начальник и главный инспектор по пересылке арестантов.

⁷ Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.] / Институт истории СО РАН: Историческое наследие Сибири. — Новосибирск, 2009 // АНО ИркипедияRu. — URL: http://irkipedia.ru/content/dekabristy_v_sibiri_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009.

⁸ Тимофеев, В. Г. Уголовно-исполнительная система России — цифры, факты и события. — URL: https://e-reading.mobi/bookreader.php/56345/Timofeev_-_Ugolovno-ispolnitel%27naya_sistema_Rossii_-_cifry%2C_fakty_i_sobytiya.html.

Отдельно следует рассказать о каторге на Сахалине. Процесс колонизации острова начался со второй половины XIX в. Государство использовало эти земли как место изоляции преступников (удалённость от центра, невозможность побегов), а самих заключённых — как орудия для хозяйственного освоения дальневосточных территорий и их заселения. Официально сахалинская каторга была открыта в 1886 г., хотя первых заключённых сюда доставили ещё в 1859 г. Сюда ссылали осуждённых на смертную казнь, впоследствии заменённую каторжными работами. В основу устройства каторги лёг опыт Франции, Испании, Великобритании.

Александр III стал инициатором создания на Сахалине политической каторги. В 1884 г. на острове сформировалась особая система административного управления, утверждена должность начальника острова, в руках которого была сосредоточена вся гражданская, военная и административно-полицейская власть⁹. При условии большой концентрации в каторжных тюрьмах острова противников самодержавия и особо опасных уголовников, способных поднять бунт, местные власти должны были обладать особыми полномочиями для подавления любых волнений.

Каторжные тюрьмы находились в подчинении окружных начальников. Тюремный надзор осуществляли смотрители тюрем, старшие и младшие надзиратели. На одного старшего надзирателя приходилось 40 ссыльнокаторжных, на младшего — 20¹⁰. Первые тюрьмы строили в северной части Сахалина, затем, с увеличением числа осуждённых, тюрьмы стали возводить по всему острову.

После 1881 г. административным центром Сахалинской каторги стал пост Александровский. Здесь же находилась центральная каторжная тюрьма. Начальник острова осуществлял распределение прибывших каторжан и их семей. Исследователи отмечают, что положение жён, прибывших вслед за своим осуждёнными мужьями на остров, было крайне незавидным. Лиц женского пола катастрофически не хватало, и поэтому прибывшие сюда так или иначе подвергались насилию¹¹. Женщины делились на две группы: приехавшие по собственному желанию и сосланные на каторгу за свершение преступления.

Каторжные тюрьмы нигде не отличались хорошими бытовыми и санитарными условиями, но Сахалин в этом смысле выделялся особенно. Усугублял ситуацию тяжёлый климат. Тюрьмы были постоянно переполнены, общие нары, ничем не разделённые между собой, низкие потолки, отсутствие даже подобия постельного белья. По стенам стекала вода, никакой вентиляции не предусматривалось, в помещениях было постоянно сыро и холодно¹².

Каторжане занимались практически всеми возможными видами работ: строительство зданий, осушка болот, разгрузка морских судов, сенокос, ловля рыбы, разведение скота, обслуживание метеорологических станций, горные, дорожные работы, работа прислугой, писцами, сторожами.

⁹ Бурдина, Д. А. Каторга на Сахалине в конце XIX–начале XX вв. // Молодой учёный. — 2017. — № 1. — С. 370–374. — URL: <https://moluch.ru/archive/135/37922/>.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Чехов, А. П. Остров Сахалин. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1981. — 85 с.

Труд осуждённых оплачивался в размере 1/10, остальное поступало 50/50 в казну государства и в тюремную казну. После окончания срока заключения освободившихся направляли на поселение на острове. Оставшимся на Сахалине оказывали материальную помощь для строительства жилья, давали ссуду на приобретение скота, зерна для посева и пр.¹³

В ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. японцы захватили Сахалин. Большая часть каторжан была ими расстреляна. Выжившие бежали на материк. По условиям Портсмутского мира южная часть Сахалина отошла к Японии. В северной части острова каторжан к этому времени практически не осталось. Сахалинская каторга прекратила своё существование.

В целом особенность каторги как организационной формы исполнения наказаний состояла в сочетании сразу нескольких карательных элементов: лишение свободы на срок или пожизненно; обязательный принудительный труд на тяжёлых государственных работах; содержание каторжных на особо строгом режиме; обязательное применение к каторжным членовредительских и болезненных наказаний.

¹³ Бурдина, Д. А. Каторга на Сахалине в конце XIX–начале XX вв. // Молодой учёный. — 2017. — № 1. — С. 370–374. — URL: <https://moluch.ru/archive/135/37922/>.

2. Ссылка как вид наказания в России в XVII — начале XX веков

Ссылка как способ изоляции политических противников власти, использовалась властью ещё в позднем средневековье. Уже в XVI в. применялось выселение из волости, посада или села за ябедничество и за вторую татьбу. К XVII в. оформилась дифференциация наказаний ссылкой: ссылка в тюрьму (для религиозных преступников); ссылка в посад (в город); ссылка в службу (разжалованные и высланные из центра на окраины на государственную службу); ссылка на пашню (неугодных крестьян помещикам разрешено было ссылать в Сибирь, где они наделялись землёй и ссудой).

Ссылка не являлась изобретением российским, такую форму наказания широко использовали Франция, Великобритания.

Как форма исполнения наказаний, ссылка напрямую была связана с колониальной политикой европейских держав. В России же данный вид наказания имел свои особенности. Во-первых, осуждённых высылали не на другой материк или в другую страну, а на собственные окраинные территории. Во-вторых, по прибытии на место ссылки преступник оставался на свободе. Сам факт переселения уже рассматривался судом как серьёзное наказание. На новом месте ссыльный должен был заниматься тем делом, которое ему определил суд (ссылка на пашню, в посад, в службу).

В XVII — начале XVIII вв. ссылали, как правило, в города Малороссии. С середины XVIII в. широкое распространение получила ссылка в Сибирь и на Дальний Восток. Активное освоение восточных территорий, тяжёлые климатические условия, малонаселённость сибирских земель располагали к использованию государством данной формы наказания.

Соборное Уложение 1649 г. прописывало ссылку на житьё на Лену как дополнительное наказание, следующее за основным. Так, например, тати¹⁴, мошенники и разбойники ссылались после отбытия ими тюремного заключения; корчемники¹⁵ и табашники¹⁶ — после исполнения торговой казни.

До конца XVII в. был принят ряд указов, назначавших ссылку самостоятельным наказанием: за убийство в пьяной драке, за укрывательство краденного, за воровство, за обмер и обвес при торговле. В большом количестве ссылали в Сибирь участников крестьянских волнений и противников церковной реформы Никона (раскольников). Часто ссылали целыми семьями, с женой и детьми.

Ссылку можно рассматривать с одной стороны, как форму опалы (например, история семьи Меншиковых), с другой — как форму милости (при замене преступнику ссылкой смертной казни).

Реформы Петра I потребовали окончательного юридического закрепления ссылки как формы наказания не только политических, но и уголовных преступников. При этом, сосланные в службу или на поселение сохраняли за собой права тех сословий, к которым принадлежали, или к которым записывались. Сосланные «в пашню» наделялись землёй и государственными ссудами.

¹⁴ Тать (устар.) — вор.

¹⁵ Корчемник (устар.) — владелец корчмы, торгующий вином, не имея на то права.

¹⁶ Табашник (устар.) — куритель табака, в данном случае, осуждённый за его незаконное производство и продажу.

Ссылка «в заключение» применялась к опальным дворянам, духовенству, старообрядцам. Часто для данной категории в качестве тюрьмы использовали монастырские кельи. Ссылка на каторгу, закреплённая в Артикуле воинском от 1715 г. быстро стала самостоятельным наказанием, в основе которого был тяжёлый принудительный физический труд на заводах и рудниках Сибири. Часто при вынесении приговора ссылку на поселение совмещали с каторжными работами. Доставка ссыльных к месту отбывания наказания осуществлялась по Великому кандальному пути тем же способом, что и каторжан.

После отмены Елизаветой Петровной смертной казни, помещикам было разрешено ссылать своих крестьян вместе с семьёй на вечное поселение в Сибирь. Данный указ преследовал несколько целей: 1) позволял землевладельцам избавиться от неугодных, опасных крестьян, 2) решал проблему «земельного голода» (особенно актуально стало для XIX в.), 3) помогал освоению и заселению восточных территорий России. Высланные крестьяне получали землю и личную свободу (Сибирь не знала крепостного права), а помещикам их засчитывали как поставленных в армию рекрутов.

Только за 1761–1781 гг. в Сибирь прибыло не менее 60 тысяч ссыльнопоселенцев, в том числе до 10 тысяч старообрядцев. С 1800 по 1812 гг., согласно указу от 1788 г. в Западную Сибирь и Прибайкалье прибыло около 25 тысяч ссыльнопоселенцев. Со 2-й четверти XIX в. число административно-ссыльных было равно числу сосланных по решению суда. Всего за XIX в. в Сибирь поступило более 900 тысяч ссыльных и членов их семей¹⁷.

Из числа ссыльных пытались создать специальные казённые поселения (Нижнеудинск, Енисейск), формировать военно-рабочие команды для устройства путей сообщения.

К сожалению, система ссылки была слабо организована, на местах обычным явлением были злоупотребления администрации, что не позволяло Москве широко использовать аппарат ссылки для принудительной колонизации восточных и азиатских окраин империи.

Ситуация изменилась лишь с прибытием в Сибирь нового генерал-губернатора М. М. Сперанского. Будучи в течение двух лет в крае, на основе материалов, полученных во время ревизии, он разработал проект «Учреждения для управления Сибирских губерний» — своего рода, первый в истории империи свод комплексного регионального законодательства. Составной частью «учреждения» стали Уставы о ссыльных и об этапах.

М. М. Сперанский, став генерал-губернатором Сибири, разработал серию указов, позволивших объединить и упорядочить систему сибирской ссылки (в основе лежит Устав о ссыльных от 1822 г.), регламентировать деятельность местной администрации. Были созданы специальные органы управления — Приказ о ссыльных (располагался в Тобольске) и подчиняющиеся ему экспедиции о ссыльных в губернских городах. Они занимались этапированием ссыльных, продовольственным снабжением и пр. Система этапирования ссыльных

¹⁷ Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.] / Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. — Новосибирск, 2009. — URL: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009.

мало чем отличалась от этапирования каторжан. В Тобольском приказе начинался приём ссыльных, а в Иркутской экспедиции — заканчивался. На месте поселения ссыльные попадали под надзор местных властей и полиции.

«Устав о ссыльных» разделил ссылку на два вида: ссылка на поселение и ссылка на каторжные работы. Ссыльнопоселенцы делились на 6 категорий:

«1) временные заводские рабочие, работавшие вместе с каторжными, но не более 1 года;

2) дорожные рабочие, направляемые преимущественно на устройство путей сообщения;

3) ремесленники;

4) слуги;

5) поселенцы — причисляемые к селениям старожилов или водворяемые в новых селах;

6) неспособные»¹⁸.

Особое внимание в Уставе уделялось содержанию ссыльнопоселенцев, в том числе выдаче одежды (зимняя, летняя), обуви, питания.

Жены административно-ссыльных обязаны были следовать за мужьями, а жены сосланных по суду — по собственному желанию.

С 1832 г. в 14-й том Свода законов Российской империи были включены нормативные документы, касающиеся ссыльных. С 1842 г. ссылка на поселение была разделена на ссылку с лишением всех прав и ссылку без лишения прав (на житьё). Сосланные на житьё сохраняли гражданские права, а в Сибири могли даже через 3 года проживания перейти из мещан в купеческое сословие¹⁹.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 г., все наказания ссылкой по суду делились на уголовные и исправительные. К уголовным относились лишение гражданских прав и ссылка на каторжные работы, ссылка на поселение в Сибирь. К исправительным — лишение «особенных прав и преимуществ» (дворянства, чинов, знаков отличия, прав поступления на государственную и общественную службу, вступления в гильдии и пр.) с временным заключением в тюрьму или без него, и ссылка на житьё в Сибирь или на север европейской части России.

В том случае, если ссылка назначалась бессрочной (на поселение), ссыльнопоселенец обязан был в течение 3 лет работать в сельском хозяйстве, выплачивая часть дохода государственной казне. Покидать место приписки было категорически запрещено. Через 3 года поселенец мог уезжать на заработки и заниматься другим видом труда, кроме сельскохозяйственного, через 10 лет — получал право свободного перемещения по Сибири. По такому же принципу применялась к бродягам так называемая ссылка на водворение.

Ссылка на житьё назначалась лицам дворянского сословия или чиновникам. Они также находились под надзором полиции и не могли покидать места приписки в течение срока, на который были осуждены. Однако им разрешалось заниматься промыслами, ремёслами и торговлей.

¹⁸ Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.] / Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. — Новосибирск, 2009. — URL: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009.

¹⁹ Там же.

В дальнейшем власть продолжала регулировать положения о ссылке. В 1881 г. Александр III, в рамках борьбы с зарождающимися революционно-террористическими организациями, принял Положение о мерах охранения государственного порядка и общественного спокойствия. Положение регламентировало ссылку как одну из важнейших мер наказания за политические преступления. В 1882 г. было принято «Положение о полицейском надзоре», регламентирующее порядок контроля за политическими преступниками. В ссылке «политические» пользовались относительной свободой, но не имели права переезжать, поступать на государственную службу, заниматься адвокатской и педагогической деятельностью. Их переписка проходила перлюстрацию.

С 1870-х гг. половина всех политических ссыльных отправлялась в Сибирь в административном порядке²⁰. С 1886 г. началась ссылка «политических» на Сахалин.

Во 2-й половине XIX в. законодательство определяло 2 основных варианта наказания ссылкой — по суду и без суда (в административном порядке).

Самым известным политическим ссыльным на рубеже XIX — XX вв., пожалуй, стал В. И. Ленин, отбывавший срок ссылки в сибирской деревне Шушенское.

13 февраля 1897 г. В. И. Ленину, проведенному к этому времени в заключении в Крестах Санкт-Петербурга более 14 месяцев по обвинению в участии в подпольной революционной деятельности, был объявлен приговор. Его на 3 года высылали в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции. 14 февраля В. И. Ленин и его товарищи были отпущены из тюрьмы на три дня, чтобы перед отправкой в ссылку провести время с семьёй. 17 февраля 1897 г. политический административно-ссыльный В. И. Ульянов (Ленин) выехал из Петербурга в Красноярск. Матери удалось получить для сына разрешение ехать за свой счёт, а не по этапу, что избавляло Ленина от долгого и тяжёлого пути по пересыльным тюрьмам (напоминаем, что это время не входило в срок ссылки). В начале марта Ленин приехал в Красноярск, где прожил ещё два месяца в ожидании назначения места ссылки и открытия навигации. Всё это время Ленин работал в городской библиотеке.

8 мая 1897 г. Ленин под конвоем прибыл в с. Шушенское Минусинского округа. Через год сюда же приехала его невеста Н. К. Крупская, также направленная в ссылку по политическим обвинениям. Ленин и Крупская обвенчались, так как это было необходимым условием для разрешения на их совместное проживание.

Находясь в ссылке, Ленин много работал — написал более 30 произведений, разработал программу и тактику будущей партии большевиков. Любил гулять по лесу, охотиться. Вечерами читали русских классиков, играли в шахматы. Ленин и сам соглашался с тем, что ссылка его проходит сравнительно легко. Однако связано это было не с заботами властей. Условия пребывания в ссылке напрямую зависели от социального и имущественного положения

²⁰ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. — Новосибирск, 2009. — URL: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009.

ссылного. Государство выделяло на содержание ссылного 8 рублей в месяц, этой суммы было достаточно, чтобы неплохо питаться и оплачивать съёмное жилье, однако все прочие нужды приходилось восполнять самостоятельно: либо работая, либо за счёт помощи родных.

В 1877 г. по предложению Комиссии по тюремным преобразованиям при Государственном Совете ссылка исключена из перечня видов исправительных наказаний.

Начиная с этого времени, ссылка стала рассматриваться как средство колонизации огромных территорий России, как возможность использовать даровую силу на работах в отдельных местностях империи и, главное, замаскированное средство избавления, в том числе и чисто физического, от лиц, представляющих особую опасность для государства.

В 1903 г. принято Уголовное Уложение, которое предусматривало среди прочих видов наказания бессрочную ссылку на поселение. С 1904 г. функции распределения ссылных по Сибири переданы Главному тюремному управлению.

Ссылка как способ сельскохозяйственной колонизации Сибири до конца себя не оправдала. Ссылные тяжело обживались на новом месте, государственная помощь деньгами, налоговыми льготами была минимальной. Массовым явлением среди ссылных было бродяжничество. Бывшие каторжники, переведённые в разряд ссылнопоселенцев, работать не хотели. В конце XIX в. около 100 тыс. ссылных значились «безвестно отсутствующими»²¹.

Несомненно, что ссылка наложила свой отпечаток на историю Сибири. Часть ссылных влилась в крестьянский и городской мир региона. Многие смогли не только обжиться на новом месте, но и разбогатеть. Противоречиво можно оценивать роль ссылки в культурном развитии Сибири. С одной стороны, бывшие каторжники способствовали росту преступности, с другой — благодаря ссылке в Сибирь приезжало много образованных людей, повлиявших на рост культуры и образования сибиряков. Весьма значимой была роль ссылных в ознакомлении образованных кругов России и Европы с Сибирью, её историей, современным состоянием и экономическим потенциалом.

²¹ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. — Новосибирск, 2009. — URL: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009.

3. Материалы для дополнительного чтения

О вынимании у каторжных колодников ноздрей до кости²²
(Именной Указ, 15 января 1724 г.)

Его Императорское Величество усмотреть соизволил, что у каторжных невольников, которые присланы в вечную работу, ноздри выняты малозначно; того ради Его Императорское Величество указал: во всех местах, из коих в каторжную вечную работу присылаются, вынимать ноздри до кости, дабы когда случится таким сбежать, чтобы везде утаиться было не можно, и для лучшей поимки были знатны; также которые ныне есть при каторжных дворах такие же невольники, учинить тож.

Об освобождении из-под ареста и прощении колодников, кроме содержащихся за вины по первым двум пунктам, за смертоубийство и неоднократный разбой²³
(Сенатский Указ, 27 января 1725 г.)

Правительствующий Сенат приказали: для Его Императорского Величества многолетнего здравия и дабы Господь Бог даровал от скорби Его Величества облегчение, по которым делам в Военной коллегии и в полках Лейб-гвардии по военным артикулам, а в Штатских Коллегиях и Канцеляриях по правам присуждены к смертной казни или в ссылку на каторгу вечно, тем всем вины оставить, кроме Государевых вин, касаемых к первым двум пунктам, и смертных убийств, учинённых неоднократно разбоев, из-под арестов освободить, а при свободе объявить им, что те их тяжкие вины отпущены для здравия Его Величества, и чтоб они о том Его Величества здравии к Богу молитвы приносили.

²² Полное Собрание Законов Российской Империи. — Собрание первое: с 1649 по 12.12.1825. — СПб., 1830. — Т. 7. — № 4417 // Государственная публичная историческая библиотека. — URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/178>.

²³ Полное Собрание Законов Российской Империи. — Собрание первое: с 1649 по 12.12.1825. — СПб., 1830. — Т. 7. — № 4642 // Государственная публичная историческая библиотека. — URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/178>.

**О неотпускании в Москве колодников для прошения милостыни
на связках без верхней одежды в одних рубашках,
и продовольствовать их пищею²⁴
(Сенатский Указ, 23 декабря 1736 г.)**

Понеже Правительствующего Сената в Конторе известно учинилось, что содержащиеся в Москве колодники из разных Приказов отпускаются на связке для прошения милостыни без одежды в одних ветхих рубахах, а другие питаны, прикрывая одне спины кровавыми рубашками, а у иных от ветхости рубах и раны битыя знать. Того ради, по указу Ея Императорского Величества, Правительствующего Сената Контора приказали: в Коллегии, Канцелярии, Приказы и Конторы послать указы, велеть по предпосланным Правительствующего Сената из Сенатской Конторы указам колодников для прошения милостыни на связке отпускать с добрыми караульщиками, связки по двое и по трое в одежде, а в одних рубахах и особливо питанных, с кровавыми рубашками отнюдь не пускать. А кормить таких безодежных будет собираемо прочими одежными колодниками милостыня, а будя и за сим прокормить им будет нечем: то из доходов тех мест, где они содержатся, давая, по прежним указам, содержащимся по интересным делам кормовые деньги, а по челобитным делам колодников на связки не отпускать, а кормить таких челобитчикам. А буде они упрямством своим кормить не будут: то давать из казны, а с тех челобитчиков возвращать в казну, по силе указов же, вдвое.

**Об употреблении колодников в казённые работы
и о платеже им за то кормовых денег
(Резолюция Кабинета Министров на доклад Комиссии
о Санкт-Петербургском строении, 1 июля 1738 г.)²⁵**

Доклад. Понеже по известиям из Адмиралтейской Коллегии и Главной Полицеймейстерской Канцелярии, каторжных невольников в Санкт-Петербурге налицо находится малое число, которыми потребных, а особливо принадлежащих по должности Главной Полиции, прежних настоящих и ныне на погорелых местах прибылых работ исправить невозможно; а известно, что в Коллегиях и Канцеляриях по разным делам содержимы бывают всегда колодники, а из оных некоторые получают кормовые деньги из казны, а другие бродят по улицам и просят милостыню.

Того ради Вашего Императорского Величества Комиссия о строении все-нижайше представляет, не соизвольте ль Ваше Императорское Величество Всемилостивейше указать, из таких колодников, чтоб втуне хлеба не ели, сколько когда где оных будет, употреблять в казённую работу, с платежом им кормовых денег по указу; а дабы те колодники с работ бегать не могли, того

²⁴ Полное Собрание Законов Российской Империи. — Собрание первое: с 1649 по 12.12.1825. — СПб., 1830. — Т. 9. — № 7132 // URL: <http://elibr.shpl.ru/nodes/178>.

²⁵ Полное Собрание Законов Российской Империи. — Собрание первое: с 1649 по 12.12.1825. — СПб., 1830. — Т. 10. — № 7609 // URL: <http://elibr.shpl.ru/nodes/178>.

ради отсылать их для работ в Адмиралтейскую крепость; а вместо оных толикое число, сколько тех колодников когда в присылке будет, из имеющихся при Адмиралтействе каторжных невольников отпускать для исправления полицейских нужнейших работ в Полицеймейстерскую Канцелярию. И о том Вашего Императорского Величества Комиссия о строении всеподданнейше просит Всемилостивейшего указа.

Резолюция. Учинить по сему доношению, только колодников посылать в работу таких, которые пропитания своего не имеют и ходят на связках, им получать кормовые деньги.

Максимов С. В.
«Сибирь и каторга»²⁶

Вот что известно о путешествии арестантов с места родины до мест заточения или изгнания.

Арестанты, сбитые в Москве в одну партию и доверенные конвойному офицеру с командою, выходят еженедельно, в урочный день, из пересыльного тюремного замка.

Очутившись за тюремными воротами на улице, арестантская партия на долгое время затем остаётся на виду народа, в уличной толпе. Толпа эта знает про их горькую участь, знает, что арестанты идут в дальнюю и трудную дорогу, которая протянется на несколько тысяч вёрст, продолжится не один год. Немного радостей сулит эта дальняя дорога, много горя обещает она арестантам, тем более что пойдут они пешком, в кандалах, пойдут круглый год: и на летней жаре, и на весенних дождях, и по грязи осенью, и на палящих зимних морозах. Путь велик, велико и злосудие! Тем пуще и горче оно, что арестантская дорога идёт прямо на каторгу, значение которой в понятиях народной толпы равносильно значению ада.

<...>

Собирает арестантская партия, идучи по Москве, мирские подаяния в приметном обилии и от тех меньших братии, у которых сердечные порывы непосредственны и потому искренни и у которых заработная копейка, только насущная, без залишка, самому крепко нужная. Порывы к благотворению в этой толпе ещё не приняли обыденной рутинной формы и ещё не успели снизойти до обычая, который всегда предполагает срок и меру. Порыв толпы этой не ищет случайных возбуждений, он ждёт только напоминания. Достаточно одного появления арестантов на улице, одного звука кандалов, чтобы вызвать порыв этот на дело и обратить его на безотлагательное применение.

<...>

В одном из старинных документов, характернее других рисующем положение ссыльных (относящемся к концу XVII века), мы находим очевидное свидетельство тому, что наш народ издавна обнаруживал готовность посильным приношением и помощью усладить тяжёлые дни жизни всякого ссыльного.

Протопоп Аввакум, один из первых и сильных противников Никона, находил и в Сибири помощь, и от воеводской семьи, жены и снохи («пришлют кусок мяса, иногда колобок, иногда мучки и овсеца»), и от воеводского приказчика («мучки гривенок 30 дал, да коровку, да овечек с 5–6, мяско»). На Байкале незнакомые встречные русские люди наделили пищею, сколько было надобно, «осетров с 40 свежих привезли, говоря: вот, батюшко, на твою часть Бог, в запоре, нам дал, возьми себе всю». Починили ему лодку, зашили парус и на дорогу снабдили всяким запасом. В Москве благодетель сам царь с царицею и боярами («пожаловал царь 10 рублёв денег, царица 10 рублёв денег, Лука ду-

²⁶ Максимов, С. В. Каторга империи. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. (Серия «Архив русского сыска»). — URL: http://az.lib.ru/m/maksimow_s_w/text_0090.shtml.

ховник 10 рублёв же, Родион Стрешнев! 10 рублёв же, а Федор Ртищев, тот и 60 рублёв казначею своему велел в шапку мне сунуть»).

Это участие и эта помощь ссыльным, совершенно неизвестные в Западной Европе, — у нас чувства исконные и родовые. Нет сомнения в том, что чувство благотворения выросло и укрепилось в народе именно в то время, когда для ссылки назначили такую страшную даль, какова Сибирь, а для ссыльных людей, таким образом, усложнили страдания, потребовав от них большого запаса сил и терпения. Только при помощи этого благотворного участия, облегчённого в форму материальной помощи, могли наши ссыльные (и первые и позднейшие) отчасти противостоять всем вражьиим силам, исходящим в одно время и из суровой природы и от жестоких людей. <...>

Во все времена нашей истории и, в особенности, в течение двух последних столетий правительству представлялась возможность крепко опираться на добровольные приношения жертвователей и даже подчинять раздачу их различным узаконениям. <...>

Царь Фёдор узаконил выпускать из тюрем сидельцев по два человека на день для сбора подаяний. На этом праве колодники основывали свои челобитья на имена последующих царей, когда встречали прижимки со стороны приставников. Прижимок было много, и все челобитья тюремных сидельцев до времён Петра переполнены подобными жалобами. Петр, не любивший справок с народными свойствами, недоверчивый к непосредственным народным заявлениям, и на этот раз признал за действительные меры — крутые и решительные: в 1711 году он постановил за отпуск колодников за милостынею — виновных ссылать на каторгу. Жалобы на то, что заключённые «с голоду и цинги погибают», не прекратились; закон продолжали обходить. В Москве водили колодников на связках по городу для приношения милостыни, и сенат (указом 20 сент. 1722 г.) принужден был повторить запрещение. Тех, которые, за караулом сидя, прокормить себя не могли, стали отправлять в разные места: мужчин для казённых работ в Московскую губернию с заработанными 4 деньгами на день для каждого, а баб и девок на мануфактурные прядильные дворы, от которых шли им кормовые также по 4 деньги на день. Затем, если «связки» будут в употреблении, судьи обязывались штрафом. Но уже через месяц практика вызвала уступку. Там, где нет казённых работ (говорит указ 1722 года от 17 октября), отпускать для прошения милостыни по одной, а где много человек, по 2 и по 3 связки. Для связок употреблять; длинные цепи «с примера того, какие на каторгах учинены». Собранное подаяние узаконено делить только между теми, которые сидят в государственных делах, а не в делах челобитных (содержавшиеся за долги прокармливались на счёт кредиторов). Екатерина I, слепо следовавшая всем предначертаниям мужа, узнав, что колодники всё-таки сумели отвоевать святочное право ходить с 1 января по 6-е по дворам и по улицам, — указом 1726 г. (23 дек.) предупредила это дозволение, запретив его и подтвердив прежние указы Петра. Подтверждения затем следовали одно за другим, обременяя суды излишними бумагами, стесняя колодников и мирволя приставникам в излишней поживе от поборов и взымок. В конце концов, при Анне разные приказы в Москве продолжали отпускать преступников на связках, без одежд, в

одних ветхих рубахах, «а другие пытаные, прикрывая одни спины кровавыми рубахами, а у иных от ветхости рубах и раны битые знать». Велено отпускать с добрыми караульными, безодежных кормить тою милостынею, которые сберут одетые. В 1738 г. (8 февраля) принуждены были снова формально запретить колодникам ходить по миру, потому что просят её не только по разным местам, но и в одном месте собираются помногу (особенно содержащиеся от военной конторы в подложных отдачах рекрут). В 1744 г. Елизавета (в указе 16 ноября) признавалась, что колодники продолжают собирать подаяния вместе с бродягами-нищими, а потому приказала в этом случае поступать по указам. В 1753 г. указ подтверждён. По указу 1754 г. (30 марта) опять видно, что колодники нищенствуют по-старому, ходя на связках и во многом числе, а по указу 3 ноября 1756 года — что колодники ходят в Москве по церквам, «во время совершения службы», по домам, по кабакам, по улицам и торговым местам с ящиками, на связках, и притом пьянствуют и чинят ссоры. Указами не унялись. Прокурор Сысского приказа Толстой свидетельствовал, что колодники «действительно ходят пьяные в разодранных и кровавых рубашках, объявляя яко бы из Сысского приказа пытаные и определённые в ссылку, и просят милостыню с великим невежеством и необычайным криком». Шатунов велено ловить и поступать по указу, а с караульных брать штрафы. По указу 1761 года видно, что колодники всё-таки просят милостыню «с невежеством». С учреждением попечительного общества, уже при Александре (в 1819 г.), шатание колодников остановлено не насильственными мерами, а регулированной благотворительностью. К тюремным воротам привинчены были кружки для денег. Такие же кружки стали прибывать потом в кордегардиях губернских правлений и к церковным стенам. Высыпанные деньги пошли на улучшение пищи в добавок к кормовым казённым. Остаток шёл арестантам при освобождении из заключения и при отправлении в Сибирь. В тюрьмах заведены были артельные столы: отошла охота шататься со специальною целью за подаянием. При отправке в Сибирь арестанты увидели, что пожертвованные деньги употреблялись на покупку для них нужного на дорогу. Увлечённый успехами таких мер, президент комиссии князь Голицын ходатайствовал уже о новой мере, желал от генерал-губернаторов предписания, чтобы подаватели не давали денег арестантам на руки, а опускали бы их в кружки. Предписание дано, разумеется, с полною охотою и готовностью, но и ему судьба судила начало новой борьбы с регулированием доброхотных подаяний, на каковую потрачено столько же напрасных сил, как свидетельствует рассказанная нами история. Выдачу милостыни в руки сверх той, которая уже опущена во внутренние и наружные тюремные кружки, мы видим в наши дни в той же неприкосновенной целости, не ослабленную, не побеждённую во всеоружии несокрушимого народного закона, одним из тех обычаев, которые бессильны не только искоренять, но и ослаблять всяческими законами, распоряжениями и предписаниями. Тут, между прочим, ещё в 1767 г. замечено было, что подаяние колодникам не выдаётся, а зачисляется в кормовую дачу, — велено наблюдать, чтобы из подаяний в руки каждого колодника доходило не более 3 коп. на день. Если затем явится остаток, то на него снабжать нужною одеждою. Несмотря, однако же, на это и на то, что по закону

арестант не имеет права иметь при себе деньги (и для этого установлены обыски), несмотря на то, что давний опыт указал на ненадёжного посредника с завистливым и алчным оком, — жажда благотворительности не устаёт и не прекращается. <...>

... Жертвователи из торгующего сословия России, помимо урочных, обязательных дач, идёт на благотворение и в другие времена, но не иначе, как возбуждённые и вызванные каким-нибудь внешним признаком, напоминанием. Арестантская партия в этих случаях прибегает, по воле и дозволению начальства, к единственному доступному им средству. В России — это барабанный бой, производимый конвойным барабанщиком; в пути по Сибири — пение песни «Милосердной», производимое всею путешествующею артелью арестантов. В Москве, где, по сознанию всех ссыльных, идут особенно обильные и богатые подаяния, вызовы эти тем более были необходимы, что маршрут шёл стороною от тех улиц, где, по преимуществу, сгруппировались домами тароватые богачи. Имена, отчества и фамилии богачей-благотворителей помнят ссыльные и на каторге. Вот что я слышал там.

— В нашей партии на каждого человека по тридцати рублей привелось, и все с Москвы одной. Мы на первом этапе дуван дуванили (делёж делали). Пр-в да С-в такие жертвы кладут, что вся партия дивится. Пр-в в Преображенском дал всем ситцу на рубахи, да по три рубля на брата, да в Богородском наказал дать серпянки на штаны и по рублю денег.

— Москва подавать любит: меньше десятирублёвой редко кто подаёт. Именинник, который выпадает на этот день, тот больше жертвует. И не было ещё такого случая, чтобы партия какая не везла за собою из Москвы целого воза калачей; мы наклали два воза. С офицером был такой уговор: на улицах останавливаться дольше, за пять часов остановки сто рублей самому Ивану Филатьевичу (офицеру) и 10 рублей Семёну Миронычу (унтер был).

— Владимир-город (сказывали мне другие каторжные) всех городов хуже: подаяние сходило малое. Вязники Владимира лучше, но тоже не из щедрых. Нижний Вязники перехвастал, на Нижнем Базаре жертва большая. И нету городов богаче и к нашему брату арестанту сердобольнее, как Лысково село, Казань-город, Кунгур, Екатеринбург, Тюмень, а всё оттого, что в городах этих староверов много живёт. На подаяния они не скупаются...

— Я, вот (грешный человек!), хмелём ещё зашибаюсь, а и то в дороге накопил ста два рублей и сюда принёс; с тем и жизнь свою каторжную начал, а накопил бы и триста, кабы не пьяное хамло. Поселенцы каторжных бережливее, так те и по пятисот рублей накаплиют.

Помимо этих добротных подаяний и казённых кормовых копеек, выдаваемых арестантам на руки, партии иных сторонних доходов имеют уже немного. Собственные арестантские деньги перед отправлением отбирают в губернском правлении и отправляют вперёд их в Тобольский приказ с почтою; у ссыльных, вместо своих скопленных денег, только квитанции. Во время остановок по тюрьмам арестанты получают иногда подаяния натурою, съестными припасами, но от этого всё-таки артельному капиталу не прибавок, при всём желании и старании арестантов. Существует для партий ещё один доход де-

нежный, но доход этот, при крайней оригинальности и неожиданности своей, случайный и не всегда верный и благонадёжный.

Известно, например, что за несколько вёрст до больших губернских городов навстречу партии выезжал бойкий на язык, ловкий и юркий в движениях молодец, в сибирке и личных сапогах, который обыкновенно оказывался приказчиком или поверенным того купца, который снимает казённый подряд на поставку арестантам зимней одежды. Молодец этот обыкновенно находился в коротких и дружеских отношениях с партионным офицером и с ведома его вёл такое дело, которое ему привычно и для арестантов выгодно. Он предлагал арестантам продать ему имеющееся на них тёплое платье, обыкновенно полушубки, полученные немного времени тому назад и в недалеком губернском городе, при поступлении в пересыльную партию. Давал он немного, но наличными деньгами и при этом брал даже и крепко подержанные полушубки, заменяя их тою рванью, которую привозил с собою, и изумлял только одним, именно: необыкновенною ловкостью в покупке, умением сойтись и убедить арестанта на сделку, для него и для них выгодную. Весь процесс перекупки совершался в каких-нибудь три или четыре часа, и притом, несмотря на количество пересыльных, — обстоятельство, приводившее всех в изумление. Выезжая на бойком рысачке, молодец этот успевал привезти им сдать купленные вещи хозяину, а хозяин отвезти и сдать податливому начальству прежде, чем оно успеет осмотреть партию, прежде, чем партия эта придёт в город. Дальше дело немудрое. Полушубки, подсунутые в казну ловким перекупнем, поступали опять на те же плечи, с которых третьего дня собраны, даже редко исправленные, редко изменённые к лучшему.

— По крайности обнашивать не приходится, меньше полушубок отшибает той дрянью и запахом, без которых ни романовским, ни казанским овчинам не жить, — думают арестанты и остаются довольными.

Хоть и рискованное дело приказчик обделал, а все жё я рубль на рубль нажил, и слава Богу! В коммерции нашей без этого нельзя! — думал в свою очередь плутоватый подрядчик, самодовольно разглаживая бороду и отпаривая живот дешёвым и привычным чаем и всякими трактирными благодатями.

— К казённому жалованью не лишнее придаток получить детишкам на молочишко, — смекали про себя третьи и, довольные друг другом, вели подобные операции не один год и не в одном месте.

Вели подобные операции с полушубками и без огульного участия всех ссыльных, предлагая принять артельному старосте в большой куче даже и такие коротенькие и узенькие, что и на подростков-ребят не годятся. Вся суть дела на этот раз заключалась в том, чтобы соблюсти форму и записать вещи в расход. У ссыльных большею частью полушубки хорошие, ибо обношены и не смердят; с таковыми-то, пожалуй, ему расставаться жалко, а полученные вновь арестанты имеют право продать тут же. Тот же подрядчик охотно их покупал, чтобы опять всучить их в тюремный цейхгауз (Под Тобольском в подспорье мошне ссыльных существовал такой обычай: на последней станции кандалы у посельщиков покупали заранее, потому что, по приходе в город, здешние железа обыкновенно велели снимать и бросать в кучу, которая, разумеется, никогда не проверялась.).

Словом, довольны все дважды, но, разумеется, довольнее всех оставались арестанты и потому, что видели заботливость начальства (какова она ни на есть), и потому, главное, что имели капитал в разменной ходячей монете. Она им нужна, нужна до зарезу и крайней безвыходной необходимости. Для арестантов по дороге много соблазнов: и предугаданных, и неожиданных. Один этапный командир некогда держал, например, кабак (и поэтому этап его, помимо казённого, носил другое название — «пьяного») и рассчитал правильно: давая из личных выгод возможную свободу партии, он заставлял её упиваться и пропиваться до нитки, до последнего алтына. Арестанты тем охотнее делали это, что вскоре за этапом «пьяным» выходит на дорогу новый богатый город Кунгур, щедрый на милостыню и подаяния. Те и другие пополняли истощённые капиталы, которые вскоре и опять усиливались денежными дачами от старообрядцев в Екатеринбурге и Тюмени. В Тюмени, например, пожертвования в праздники Рождества и Пасхи были столь велики, сытны и обильны, что этапные арестанты платили смотрителю деньги, чтобы на эти дни не выпускал дальше, а дал бы возможность поесть шанег, яиц, кислого молока и всего того, за что в других местах и дальше приходится платить собственные и довольно большие деньги.

Деньги, всеильные, могущественные, творящие чудеса, деньги освещали этапный путь, богатый мраком, спасали арестантов от множества непредвиденных бедствий. Без денег и на этапах началась бы каторга, без них тяжела бы стала путевая жизнь, подневольная и зависимая. Знали это начальники — и брали, знали это арестанты — и давали деньги за всё, за что требовал уже установившийся обычай и беспредельный, безграничный, бессовестный произвол. Произвол и обычай сделали то, что этапная жизнь арестанта сцеплена была из разного рода притеснений и вымогательств. Тут мы видим целую систему, которая за долгое время успела установиться и определенно выясниться. Выяснилась она, по нашему крайнему разумению, в такой формуле: всякий человек по всяческому праву ищет свободы, но лишённый её — ещё сильнее и настойчивее. «От тебя зависит моя свобода. Полной свободы ты мне дать не можешь, не в твоих это силах, не в твоём это праве, — ты сам мало свободен. Но ты человек тёртый, бывалый, а потому смелый. Дашь себе немножко труда и можешь уделить нам частицу, кусочек этой свободы. Смелости и решимости тебя не учить, а нам всё равно: мы сумеем обмануть себя, не раз обманутые в жизни, и частицу твоего права и твоей свободы примем за целое. Но ты не хочешь, отчасти не можешь, дать нам этого даром. Ты просишь вознаграждения за ту решимость, за ту жертву, которыми рискуешь ради меня. Возьми! Возьми, сколько потребуешь, сколько это в силах наших! Но дай нам подышать этой волей хоть на тот же пятак или грош, какими оценил ты эту волю. Знаем, что мы обманываем себя, знаем, что завтра же придётся нам горько и слёзно посмеяться над собой, болезненно пожалев о затраченных деньгах, попенять на себя за малодушие: птичьего-де молока захотели! Но сегодня мы хотим забыть о кандалах и о задних и передних этапах. Сегодня мы только люди, имеющие деньги, а завтра, пожалуй, варнаки, чалдоны, храпы. Но сегодня мы пьём и пляшем во всю

ивановскую, потому что добыли на этот раз за деньги непокупное заветное наше право».

Покупают арестанты всё. Даже право на подаяние не всегда достаётся им даром, и оно иногда требует со стороны партии денежной жертвы. Денежные жертвы со стороны арестантов пойдут потом в бесконечность, но начало им всё-таки в самом начале пути.

Ещё в Москве, тотчас по выходе партии ссыльных из пересыльного тюремного замка, бывалые этапные начальники спешили заявлять и объяснять те начала, которыми будут руководствоваться они сами, а потом все остальные товарищи их, ближние и дальние этапные командиры.

— Какими вас, ребята, улицами вести? — спрашивал было свою партию опытный этапный.

— Хорошими, ваше благородие! — отвечали бывалые из арестантов.

— Соболаговолите в барабан бить и прохладу дайте, — прибавляли опытные из них.

— Прохлада 50 рублей стоит, барабан столько же. Стало, ровно сто на меня, да десять на унтеров, по рублю на рядовых, согласны ли? — говорил офицер.

— Идёт! — отвечали бывалые из арестантов с полною готовностью, когда на дворе праздник и не стояла глухая летняя пора. Они начинали торговаться, если на их стороне не было таких сильных и благоприятных условий.

Свежие, малоопытные арестанты задумаются, удивятся такому риску, такой решимости, зная, «что из казённой семитки таких денег не выкроишь, хотя всё иди в складчину»; но не доходили ещё до заставы Рогожской, сомнения их разбивались. Партия пойдёт медленным, примечательно медленным шагом, и пойдёт притом не теми улицами, которые ведут прямо в Рогожскую заставу и по маршруту, но теми, которые по преимуществу наполняются торгующим народом или обставлены домами купцов-благотворителей (имена этих благотворителей, как уже сказано, помнят ссыльные, а дома их хорошо знают командиры и арестанты). Идёт партия в неизменном, раз нарисованном и навсегда установленном порядке: впереди ссыльнокаторжные в кандалах, в середине ссыльнопоселенцы, без оков ножных, но прикованные по рукам к цепи, по четверо; сзади их, также прикованные по рукам к цепи, идут ссылаемые на каторгу женщины, а в хвосте неизбежный обоз с больными и багажом, с жёнами и детьми, следующими за мужьями и отцами на поселение. По бокам и впереди и сзади идут неизбежные конвойные солдаты и едут отрядные конвойные казаки. Смотрите на картину эту в любую среду (часа в 4 пополудни) в Петербурге, у Владимирской (хотя, например, в Кузнечном) или в Демидовом переулке; проследите её за Томском, за Красноярском, посмотрите на неё в Иркутске: всё одна и та же, раз заказанная и нарисованная картина, только, может быть, кое-когда окажется пробел на месте казаков. В этих картинах, со времён Сперанского, замечательное постоянство и однообразие.

Привычный, не раз присмотревшийся заметит, пожалуй, во всей этой форменности некоторую фальшь и натянутость, которая стягивалась и вытягивалась во время прохода партии городами и распускалась, развёртывалась сво-

боднее за городом в поле. Так, конечно, это и должно быть. Разглядеть нетрудно, что эта подтянутая форма и поддельный порядок существуют только для России и в России (Художнику Якоби, желавшему уловить характерный беспорядок путешествующих арестантов, так и не удалось положить основы для будущей картины. Выезжал он и в поле, радел ему и конвойный офицер, но арестанты всё-таки вытягивали мёртвый солдатский фронт, выстраивая шеренги. Художник принуждён был ограничиться личной фантазией и дал картину, мало напоминающую этапный растах в его настоящем правдивом виде): по Сибири арестанты ходили вольнее, свободнее и распущеннее. Там за парадным порядком не гонялись, чем премного обязывали арестантов, которые были довольнее дорогами сибирскими, чем русскими, и прибавляли:

— До Тюмени идём, несём кандалы на помочах, а помочи надеваем прямо на шею, по-русски. И давят кандалы шею, давят плечи, а им и без того на ходу тяжело, все они ноют. По Сибири несём кандалы на ремешке, на поясу. По-сибирски легче!

— По Сибири вольнее идём, легче и думаем. А думаем так: если, мол, начальники к тебе милостивей стали, значит, в свою сторону пришёл, а если, мол, не совсем она тут, то теперь уже близко.

— Сибирь тем хороша, что врать не велит. В Рассее смирение напускай, а за углом делай что хочешь; в Сибири или как хочешь и каков ты есть, не притворяйся, не заставляют.

— В России думают, что ты самый худой человек, коли «часы потерял, а цепочкой обзавёлся», а в Сибири знают, что мы не хуже других и не лучше других! Живут и на воле люди хуже тебя, а идёшь ты на канате затем только, что проще других, глупее, говорить надо. Значит — попался, хоронить концов не умел...

— До Тобольска партии шли в полном составе, т. е. так же, как снимаются с мест: женщины от мужчин не отделялись, давая, таким образом, возможность видеть по часту на подводах, следующих за партией, мужчин и женщин, сидящих вместе. Понимающие дело знали, что это счастливые четы любовников, успевших за долгую дорогу перемолвиться и войти в сношения между собою и с этапными; с последними для того, чтобы иметь возможность приобрести право принимать за собственные деньги лишнюю подводу. Любовным изъяснениям не препятствует при этом то, что по часту подвода нанимается в складчину и, стало быть, на одни сани садятся по две и по три любящихся пары. По сознанию знатоков, женщины-преступницы вырабатывают на этапах особое душевное свойство, которое мешает им любить одного и служить на такой долгий срок, какой полагался для перехода партии до места. Этапная любовница особенной любви к супружеским узам не показывала, она редко остаётся верною тому, кто первый подвёл под её преступное сердце мину, и немного побольше любит разве только того, кто с ловкостью соединяет важную и существенную доблесть. Дobleсть эта для ссыльной женщины заключается в бережливости, а последняя обеспечивает всегда туго набитый денежный карман. Большинство женщин идёт в Сибирь за поджоги или за убийства детей, а оба эти преступления вызываются ревностью и обуславливают в ссыльной

женщине присутствие пылких страстей. Страсти эти, с одной стороны, послужили к гибели и ведут на каторгу, с другой — из пересыльной женщины делают лёгкую добычу для аматёров. Любители эти — по большей части этапные солдаты (на полуэтапах, например, бабы — по уставу — ночуют в солдатской караульне), меньшая половина — товарищи-арестанты. Впрочем, нередки случаи и постоянства в любви, в форме даже как будто гражданского брака, в тех случаях, когда защемило женское сердце тот молодец, который сослан без срока на каторгу, а стало быть, не имеет права вступать в брак раньше 11 лет. Тем не менее, эти связи нельзя не считать в числе главных причин, что с этапов не бегут и крепко держится народ обоего пола за невесёлый канат.

— Наблюдающие за томским острогом согласно свидетельствуют о том, что пересыльные арестанты, пользуясь удобством размещения окон, выходящих во двор против бани, целые часы простаивают на одном месте, любясь издали на моющихся в бане арестанток. Для достижения желаемой цели подкуп всегда действителен; иногда употребляется и насилие. В тюремном остроге арестанты ловко прячутся за двери, чтобы выждать выхода женщин; женщины настойчиво лезут к мужчинам и артелями (человек в 20) делают правильные вылазки, особенно в больницу. Один фельдшер попробовал помешать: ему накинули на голову платок и щекотали до тех самых пор, пока ему не удалось вырваться из весьма опасного для жизни положения, словом — пока он постыдно не бежал. В некоторых тюрьмах сами смотрители способствовали свиданиям мужчин и женщин и брали за это рубль серебром.

Этапы, во всяком случае, представляли больше удобств для сближений на случай любовных интриг. Так объясняют и сами арестанты.

— А не выгорит дело, не удадутся хлопоты?

— Тогда мы в разбивку идём.

— Что же это значит?

— В большом городе или на хорошем этапе к лазарету пристраиваемся. Господа дохтура к нашему брату жалостливы; отдыхать позволяют. А то, как и фелшаров покупаем, эти люди дешёвые, на деньги слабые.

— Ну а дальше что?

— В лазарете ждёшь, наведываешься, когда больше баб набралось, — женская партия из Томска приходит. У смотрителя тюремного выпросишься, три рубля серебром подаришь ему успеха ради, он тебя к женской партии и припишет, на то закон есть. И пойдёшь с бабами. Дорого это, да что делать?! Фелшар, однако, дешевле смотрителя. Этот за четвертак на койку положит, за двугривенный выпустит (Замечено, что женщины родили до прихода в Тобольск, дорогою. Придя в приказ, просили вступить в брак или назначить в одну губернию с влюблённым. «Были даже неоднократные примеры, что оставившие на родине жену или мужа с детьми и не лишённые всех прав состояния, а следовательно, не расторгнутые в браке, просили при жизни ещё кого-либо из супругов о вступлении в новый брак с лицом, в одной партии идущим», — свидетельствует одна официальная бумага. По закону до Тобольска женщинам не позволялось выходить замуж и ни в каком случае не дозволялся брак каторжной женщины с идущим на поселение).

— Кто до женского полу охотник, — рассказывали нам многие другие арестанты, — тому траты большие, тому денег надо много: деньги ему надо на подводки, надо всякому солдату дать, офицеру — статья особенная. Опять же на водку изведёт он денег двойное, а не то и тройное количество. Смотрите-ка, во сколько ему дорога-то обойдётся! А дорога дальняя, трудная. По Сибири денежные подаяния меньше, всё больше харчем да вздохами. Коли не скопил денег в России, в Сибири не наживёшь. Так и знай!

— В Сибири наживают деньги одни только майданщики (т. е. откупщики (Это — денежные и ловкие из арестантов, снимающие подряды на содержание и продажу водки, карт, съестного и пр. Но о них подробно скажем в следующей главе)). Майданщику и баба другой стороной кажет, в ней он пользу видит и по портняжному делу. Во всякой рухляди каторжному большая нужда настоит.

— Кто же шьёт, когда в партию не попадут бабы?

— Пьяного народу в партии всегда больше бывает, чем трезвых. Таких совсем почти нет. А пьёт народ, так и пропивается, а затем и забирает в долг у майданщика и табак и водку. А забрал, так и плати чем сможешь, кто какое ремесло с собой унёс: портной ты — иглой ковыряй; сапожник — дратву в зубы, и всё такое. В каждой партии редкий кто ремесла не знает и уж и во всякой партии по каждой части найдётся доточник. Так это всё майданщики и разумеют и припас покупают мастерам сами в деревнях у крестьян. Оттого у майданщиков навсегда деньгам вод большой; майданщик первый богач в свете. Копейка у него сильная, да и та алтынным гвоздём прибивается. Такие уж и люди на это дело идут, особенные.

В Тюмени ожидает этапные партии тюрьма и в ней отдых. Тамошняя тюрьма самая большая, самая просторная из всех существующих в России по пути арестантов. Отдых или пребывание в этой тюрьме самое продолжительное из всего времени, назначаемого для растахов (отдыхов от 2 до 5 недель). В Тобольске, как известно, со времени учреждения сибирских губерний, по проектам гр. Сперанского, существовал приказ о ссыльных, учреждённый вместо «общего по колодничьей части присутствия», бывшего до 1823 года в городе Тюмени (Сюда же обратно переведён приказ из Тобольска на настоящее своё место, по справедливости). Приказ занимается сортировкой всех ссыльных по разрядам, назначает определительно места ссылки, проверяет частные статейные списки и составляет новые. Истрачивая на всё это приметное количество времени, приказ, таким образом, даёт арестантам некоторую возможность перевести дух, прийти в сознание, сообразить прошедшие и отчасти будущие обстоятельства жизни. Тобольская тюрьма, одним словом, играла весьма важную роль во всей этапной жизни арестантов. Знающие люди примечали, что арестанты выходили оттуда опытные, артели их устраивались плотнее и прочнее. Тюрьма эта, богатая событиями разного рода и вида, дающая обильный и разнообразный дневник происшествий, являлась чем-то центральным, каким-то высшим и важным местом, где арестанту преподаётся всякая наука, даётся всякое поучение, столь необходимое для исключительного его положения, для его новой жизни в новой стране и при новых условиях быта. Рядом с разбивкою по отделам, по разрядам, за тюрьмою идёт всё тот же порядок, какой был установлен

на прежних этапах, но с тою только разницею, что теперь порядок этот имеет уже определённые, законченные формы и правила. Рядом с правом приказа назначать пересыльных арестантов на разные городские работы существовал побег и из тюрьмы, и с этих работ. Вместе со строгостью тюремного заключения и надзора шло об руку деланье фальшивой серебряной монеты, составление фальшивых видов, паспортов и печатей. Тюрьма тобольская, несмотря на то, что играла как будто, неопределённую роль как место временного помещения, как бы роль проходного только постоянного двора, — важна была для проходящих партий главною стороною: коренною и самостоятельную наукою — наукою жизни в ссылке, на каторге, на поселении и на тех же этапах. У тюрьмы тобольской своя история, оригинальная и поучительная, история, могущая служить прототипом для всех российских тюрем. Это — резервуар, куда стекались все нечистоты, скопившиеся во всех других русских тюрьмах. Её и на каторге разумели в том же смысле, как разумют Москву другие города, торгующие тем же товаром, по тем же самым приёмам и законам. Тобольская тюрьма сама даже некогда исполняла роль каторжного места и соблюдала в своих стенах прикованных на цепь, к тачке и проч.

В тобольской тюрьме арестантские партии делились на десятки, для каждого десятка назначался особый начальник — десятский, над всеми десятками — главнокомандующий староста, выбираемый всей партией. Приказ о ссылных утверждал выбор, и затем уже ни один этапный офицер не имел права сменить старосту, разве только пожелает этого вся путешествующая община арестантов. Староста этот обыкновенно собирает подаяния, когда дают таковые по пути. Он же ходит с конвойным по дворам тех селений, где стоит этап и когда назначена в нём днёвка.

Из тобольской тюрьмы арестант выходил богачом, с запасом новых сведений на счёт своего общественного значения и с запасом новых вещей на счёт казённого интереса. В мешке у него появлялись две рубахи, двое портов; на плечах новый армяк — зипун из толстого серого сукна, с жёлтым либо красным тузом и двойкою на спине, и с единосёрстным родичем — штанами, а на ногах — не сапоги и не калоши — обувь сибирского изобретения и вкуса, простая, но недолговечная, либо коты, т. е. мелкие башмаки, начинённые бумагою (В этом случае гражданские арестанты не могли надивиться и наплакаться тому предпочтению, которое оказывается военным арестантам. Эти вместо котов, как известно, получают сапоги). На зимнее время движимое имущество его ещё больше возрастает в силу требований суровой страны: на плечи — душистый тулуп, на руки варежки и голицы, на ноги суконные портянки, на голову треух — ту уродливую шапку на манер башлыка, которую любят в дороге, по глухим местам России, старики-попы и торгующие крестьяне. Летняя казённая шапка из серого сукна без козырька, открывающая затылок и уши, делает из арестанта чучело. Имущество это арестант может уберечь, может и продать кому угодно — охотников много: тот же конвойный солдат, свой брат торговец-майданщик, крестьянин спопутной деревни и проч. Тулуп идёт не свыше двух рублей, но бывает и дешевле полтинника; цена бродней колеблется между трёхгривенным и двумя двугривенными, рукавицы (т. е. шерстяные варежки и

кожаные голицы вместе) не свыше двугривенного. Продают больше по частям, но можно и всё разом, особенно, если подойдёт дорога под большой губернский город. Там разговор известный: скажешь, что потерял, проел, товарищи украли. Выпорют за это непременно или, для ускорения взыскания, побьют по зубам, но накажут непременно, потому что арестанту без этого прожить невозможно. Новыми вещами снабдят также непременно, потому что казне без этого нет иного выхода, было бы нечего делать. Одевка, таким образом, производилась в каждом губернском городе, а проматыванье вещей существует во всей силе, несмотря на указы, из которых первый издан был ещё в 1808 году; продавались даже кандалы, т. е. сибирские, фунтов 10–12 весом, и обменивались у местных барышников на 5- и 4-фунтовые. Барышники, за недостающее количество железа до весу казённых, доплачивали арестантам по взаимному договору.

Тобольская тюрьма на этапный путь производила то влияние, что составу партий давала иное направление. До сих пор шли по России все вместе, отсюда уже отдельно: каторжные — своей партией, посельская партия особо, женщины, по указу 1826 года, также в своей отдельной партии. Потом, на дальнейшем пути, арестанты умели эти партии спутать и намеченный законным уставом вид изменяли по своему уставу, но в приказе о сортировке усердно хлопотали. Раз в неделю выходили оттуда либо кандалная, либо женская и потом посельская, либо так: первая кандалная, первая, вторая, третья посельская, потом женская, опять посельская — четвёртая, пятая, вторая кандалная и потом опять четыре-пять посельских, одна за другою понедельно. Идущие в кандалах шли вольно, отдельно. Посельщиков по три, по четыре пары приковывали к цепи в наручниках по двое. Наручник этот изобретён командиром отд. корп. внутр. стражи, генералом Капцевичем, и был утверждён 1 марта 1832 года. Для него потребовалась цепь, а прежде ходили прикованными к пруту. Прут оказался неудобным: при ходьбе рука каждого тёрлась о его собственный наручник, который не всегда приходился по руке. Высокие люди тащили вверх малорослых, а эти тянули руки высоких вниз; слабые за сильными не поспевали. От беспрестанного трения на руках появлялись опухоли и раны, на прикреплённые к пруту руки нельзя было надевать рукавиц. Холод от железа причинял ужасные мучения, тем более что нельзя было делать руками этими никаких движений, чтобы согреться. Унтер-офицер, сопровождавший партию, не имел права, во время пути, отворять замка, укреплённого на конце прута; ключ от замка хранился в особом ящике, за казённую печатью, из-под которой мог быть вынут только по прибытии в этап, где находился офицер. Следовательно, если заболел один из арестантов в дороге, то должно было всех вместе сажать на повозку. На ночлегах арестанты не имели нужного покоя, ибо движение одного чувствовали все прочие, прикреплённые к пруту. Каждый раз, когда нужно было одному из них выходить ночью на двор, все товарищи должны были его сопровождать. «Ужас и уныние, — свидетельствует официальный акт, — замечаемые в арестантах в то время, когда делались приготовления прикреплять их к пруту, всеобщая радость и благодарность, воссылаемые к благодетельному начальству, когда отправляют их порознь в кандалах, явно убедили в том, что прутья для них, без всякого сравнения, отяготительнее кандалов». Путья, просуществовавшие

восемь лет (с 1824 года), были заменены цепью различной длины (от 11 вершков до 1½ аршина). На цепи теперь другое горе: бойкие на ногу тянут задних тихоходов: остановится один за нуждою — все должны стоять и дожидаться, а сковывают иногда человек по восьми, по десяти. Но арестанты и этот способ сумели медленным хождением (причём нельзя распознать первого виноватого) до того обезобразить, что сами конвойные охотно перестают применять его. Они хорошо знают, что надо пройти в день до стоянки вёрст 30 и больше. Утром вышли — надо ночевать на полуэтапе; опять день идти, чтобы попасть на этап. Здесь днёвка — даётся отдых (растах, по-тамошнему). На третий день опять путь-дорога до ночёвки на полуэтапе и днёвки на этапе. А там и пошла писать эта медленная путина, долговременная ночёвка до места назначения. Пойдём вслед за арестантами.

Выйдем из тобольской (а теперь из томской) тюрьмы, чтобы следовать за арестантами снова вдоль этапного пути, у которого конец ещё не ближний и во всяком случае дальше, чем для самого дальнего преступника находится теперь место его родины. Вот что мы слышим.

На первом привале и отдыхе арестанты устраивают в среде своей отдельную и самостоятельную артель, которая имеет такой же смысл, значение и важность, какие имеют всяческие артели, успевшие поглотить в себя всё работающее население, во всех углах и странах нашего отечества. Устраиваемая на первом привале арестантская артель существует затем во всё время этапного пути и существует самостоятельно и отдельно от той, которая установлена и поощряется законом. Не уничтожая, даже не ослабляя смысла и значения той, которая сочиняется в Тюмени по приказу чиновников, эта новая артель в то же время имеет особенный, самобытный характер, с которым плотнее и сильнее дружится путешествующий преступник. Она тоже не требует особых нововведений, изменений и улучшений, она тоже является в готовой форме, Бог весть когда придуманной, но до сих пор свято соблюдаемой. Арестанты такую артель любят и без неё не только не ходят по этапам, но и не живут в тюрьмах. Эта артель — жизнь и радость арестантской семьи, её отрада и покой. В казённой артели полагается староста, в арестантской — откупщики, майданщики; вот в чём вся разница этих двух артелей, по-видимому, ничтожная, но, в сущности, огромная.

Образованию арестантской артели предшествуют торги, со всеми признаками этого обычного вида коммерческих операций. Торги производятся на отдельные статьи: 1) содержание водки, 2) содержание карт, съестных припасов, 3) одежных вещей и проч. (иногда в примечательной подробности). К торгам допускается всякий, без различия, но выигрывает только тот, конечно, у которого потолще других мошна, который сам бывал в переделках, а дело торговли ему и знакомое и привычное. Это большею частью люди бережливые, скопидомы, у которых замёрзло в сердце всякое поползновение на соблазн, для которых и в тюрьме жизнь не беспорядочна, не разбита отчаянием, а несёт те же живые струи и рисуется с теми же оттенками, как и жизнь на свободе. Бедняк и разочарованный на такое дело не пойдут, но не выпустят его из своих рук те,

которые и на свободе маклачили торговлю и по этапам сумели уберечь и припрятать кое-какую копейку.

Откупные статьи поступают по большей части в одни-две руки, но, если идёт большая партия (например, свыше ста человек), торги становятся дробными. В одни руки сдают право на содержание карт, костей, юлки и других игорных принадлежностей; в другие руки поступает торговля табаком, водкою и всеми возбуждающими сластями и удовлетворяющими наслаждениями; в третьи руки идёт торговля харчем и доставка съестных припасов. Дробность эта иногда бывает ещё мельче, но, во всяком случае, торги устанавливались обыкновенно не на всю дорогу от Тобольска до каторги. Одни торги существовали до Томска, где впервые разбивалась партия, и на первом же этапе за Томском устраивались новые торги до Красноярска, в Красноярске — до Иркутска, в Иркутске уже вплоть до Нерчинска. По Сибири ходят партии человек в 200 и более²⁷. Заплатив артели несколько рублей, а иногда и десятков рублей за право торговли, откупщики-майданщики обязаны уже иметь всё, по первому требованию арестантской общины. Часть денег, полученных с откупщиков этих, делится поровну между всеми остальными, другая, меньшая, сдаётся на руки казённого старосты, который обязан, на правах казначея, блюсти эту сумму как зеницу ока. На эти деньги староста, с согласия целой артели и с её разрешения, покупает всякие льготы у этапных начальников (офицера или унтер-офицера): право пропеть «Милосердную» и собрать в спутной деревне на артель деньги и съестные припасы; право сходить в баню на этапе, иногда выкупаться в реке, сбегать в кабак откупщику или его подставному помощнику; снять кандалы на честное варнацкое слово и принанять сверх казённой, на артельные деньги, лишнюю подводку, куда садятся слабые и больные и складываются, снятые для облегчения в дороге со всей партии, кандалы.

<...> с офицерами и другими провожатыми партия старается жить ладно и во всём им угождает. В свою очередь и офицер, глаз-на-глаз поставленный с преступниками, обязан мирволить и подлаживаться к общему тону арестантской артели, чтобы не лопнуло звено в казённой цепи и она не рассыпалась бы. Этапному офицеру сделать это нетрудно, потому что ему самому трудиться не надобно: до него всё придумано, испробовано и подогнано в самую меру. Он сам искал этого места и получил его в награду за долгое терпение, как древний русский воевода, с тою же самою прямою целью. Обманывать и обманываться тут не для чего, дело всему миру известное. Малого ребёнка об этом спросите и тот сумеет ответить. Тут чем ни замазывай, подгрунтовка сейчас окажется не тем, так другим краем. Инвалидные места в недавнюю старину тем и славились, что лучше крепостной деревни были. Хороши были инвалидные команды вообще, да и этапные таковы же в частности. Между тем нетрудно было распознать человеку, что вот и ещё житейская задача — влачить и ладить утлое житейское судно своё между ножом и артельным полуштофом, между крупными ругательствами и десятком яиц за кротость нрава и уживчивость. Закон уступок не знает, на него надеяться нечего; если по закону: когда убежит поселенец —

²⁷ Закон ограничивает число людей в партиях во внутренних губерниях от 20 до 60 и в сибирских от 50 до 60, 100 и более. (Примечание С. В. Максимова).

накажет солдата командир, но зато если убежит каторжный — военный суд как снег на голову. Опять же закон больше себя очищает, с силами твоими не всегда справляется; велит прилагать старание к поимке беглых и воров, которые укрываются вблизи дороги, или, по крайней мере, быть для них страшными своею деятельностью и поисками. Закон в то не входит, как приспособить желание его и где взять для исполнения его возможность, досуг и силы. Хорошенько поглядишь на дело и видишь, что жизнь дарит только две крайности: либо в стремя ногою, либо в пень головою; сегодня — деньги на приварок от артели из доброхотных подаяний, если дано ей посильное послабление, завтра — все в лес убегут, если нажил человек крутой нрав и натрудил сердце, а за то ему: лишение годового оклада жалованья, суд, клеймёная отставка.

Вот те искусственные крепы, какими спутываются набалованные бродяжничеством и тюрьмою люди с теми людьми, у которых сердито сердце от житейских неудач, а пожалуй, и от той же забалованности. Арестанты забывают на время пути по этапам свою бродячую повадку; приставники, в свою очередь, должны поступиться кое-какими из своих личных прав. В итоге у тех и других выходила круговая порука, взаимное обязательство жить между собою мирно и ладно. Отсюда замечательная случайность: арестанты с этапов и с этапной дороги почти никогда не бегут. Бывают примеры, но очень редко, и те выпадают большею частью на Забайкалье, на места, соседние каторгам или на пустынные вроде стран Заленских (Пустыни по тракту в Якутск и дальше до Охотского края и Камчатки с двумя винокуренными и одним солеваренным Охотским заводом издавна служили исключением для этого правила. В конце прошлого и в начале нынешнего столетия ссыльные организовались очень часто в большие разбойничьи шайки. В 1832 году высшее правительство узнало, что при внимании конвойных в небольшом числе ссыльные делали побег и производили грабежи, а потому указом 26 февраля установило на этом странстве в 400 в. три этапа); а, кажется, чего бы легче и удобнее: у самой дороги такая лесная трещина, что стоит вскочить в неё — с собаками не сыщешь, особенно если не зимнее время, не лежит снег глубокими сугробами, а стоит весна-красна или лето жаркое, трава-мурава шёлковая, а промеж ней всякое коренье сладкое и ягоды рдяные. Стоит, сговорившись всем, крикнуть «уру», чтобы вся партия разом схватилась с места и брызнула, что вода из чана, в разные стороны. Что тут каких-нибудь 20–30 конвойных противу ста или попредстали принять могут? И на плечах-то у них старые кремневые ружья с осечкою. Да не в том дело.

<...>

ТЮРЕМНЫЙ СЛОВАРЬ

<...> Начало мошеннического языка уходит в древнейшие времена, когда следы его являются в неясном виде; но с течением времени язык этот, подобно мутному отстою, испытывая постоянное брожение, обогащался и совершенствовался.

<...> Для товарищей мошеннической шайки понятно каждое движение глаз, рта, положение ног, каждое движение пальца. Взявшись рукою за шею, приложив руку ко рту, к уху, к щеке, мошенник уже разговаривает с товари-

щем, и тот его понимает. Посажённые далеко друг от друга, но, по случайности, на виду в противоположных окнах, уличены в разговоре руками по азбуке, придуманной для глухонемых, но с тою разницею, что мошенниками усвоена одноручная, так как азбукою на двух руках (употребляемую глухонемыми при оживлённом разговоре) в тюрьмах и на допросах говорить нельзя. На допросах, даже в присутствии третьего лица, рукою передавали обвиняемые друг другу такие тайны и так ловко, при закрытом рте, что не могло быть и тени подозрения. Доведённый до сознания, разбойник, назвавший соучастника, на очной с ним ставке оставался нем, не смея повторить своего доказательства только потому, что товарищ запретил ему то тяжёлым вздохом, ускользнувшим от следователей при самом внимательном наблюдении. У вора каждый свист, крик, подражание звукам различных животных, особенно ночью в поле или в лесу (филину, перепелу, собаке, курице и т. п.), отхаркиванье, откашливание, всякий возможный звук приобретает смысл и значение и тем вернее уберегает тайны, чем он кажется более произвольным и естественным. В цивилизованных странах мошенники разговаривают друг с другом, намечая условные знаки мелом, углём, разноцветными карандашами на стенах, на песке и пр. В настоящее время в Европе, с развитием различных тюремных систем с одиночным заточением (оборнской) и с обязательствами молчания (пенсильванской), разнообразие тюремных языков сделалось ещё богаче, и приёмы в настоящее время стали даже получать систематическую организацию. Предположение, высказанное сто лет тому назад в Германии немцами, что у всех мошенников следует разорвать барабанную перепонку в ухе, в настоящее время владеет тою силою значения, что разговор, рассчитывающий на слух, получил наибольшее развитие и сосредоточил на себе преимущественное внимание заключённых в последнее время. В этом случае для обогащения звукового языка посредством постукиванья пущены в ход всевозможные тонкости; равномерность звука при скорых или продолжительных ударах или же очередь тихих и громких, удары, производимые согнутыми пальцами или мясистою частью ладони и кулака; удары сапогом, башмаками, ногою, обутою в чулок, ковшом, ложкою, щёткою, щепкою и т. д. в бесконечность. Способ этот удобен тем, что может подчиняться целой системе азбуки, во всём разнообразии. <...> Ключей для понимания существует довольно много, и они ведут своё происхождение от мошенников, но обыкновенно в европейских тюрьмах нападали только на остатки и следы, но никогда на целую систему. В королевской тюрьме в Берлине два поляка разговаривали между собою стуком, сидя в разных номерах и этажах, так, что играли даже в шахматы. Самые старательные исследования показали, что иных способов у них не было и даже номера не находились один над другим, а помещены были в противоположном направлении, наискось. Кроме этого примера, немцы указывают ещё на некоего Шпауна, который был заключён в 1826 году в тюрьму в Куфтейве и пробыл в ней десять лет. В последние годы он получил в соседи товарища, отделённого от него толстою стеною. У Шпауна зародилась счастливая мысль разговариваться с ним постукиваньем, и он создал язык, который был чрезвычайно остроумен. Всего более — само собою разумеется — затрудняло его сообщение ключа лицу, которое, может быть, не умело понимать

по-немецки. Шпаун начал с того, что простучал в стену 24 раза, и продолжал манёвр до тех пор, пока не заставил незнакомца понять, что в этих 24 разгах подразумеваются буквы, выражающиеся стуком. В немного недель они успели в быстрой и свободной беседе рассказать друг другу свою жизнь. Соседом оказался г. М., впоследствии сделавшийся государственным статс-секретарём и герцогом Б., и был довольно известен. На свободе он не забыл союзника, выхлопотал ему свободу и назначил пожизненный пенсион. «C'est Spaun ou le diable!» — вскричал министр спустя 10 лет, когда его посетил Шпаун в Мюнхене. К сожалению, Шпаун, несмотря на все хлопоты, ключа своего не поведал.

<...> Существование языка по стуку известно у нас в России из книг, по неумению применить его неграмотными тюремными сидельцами и по тому обстоятельству, что одиночное заключение у нас не практиковалось в таких огромных размерах, как в Европе. Но там, где оно имело место, язык стуквой не медлил своим применением и обнаруживал существование. Декабристы, сидя в одиночных камерах Петропавловской крепости, вели разговор через стену и в Алексеевском равелине, где тому способствовало устройство комнат, в клетках, построенных в амбразурах. Разговор этот или вовсе не был возможен через стены, идущие сводом, или был не нужен через деревянные перегородки, где можно было разговаривать прямо вполголоса. Если кто пел (другая форма разговора), то было всё слышно и в номере напротив. В Роченсальме применял стуквую азбуку Бестужев-Марлинский, сокративший по возможности бесконечное стучанье 30 букв отечественного алфавита разделением их на три десятка. «Недостаток этой азбуки (по словам его брата, Мих. Алек.) состоял в том, что гласные и согласные выстукивались одинаково медленным стуком, которые всё-таки надо было считать, что утомляло и ухо, и голову и где слушающий беспрестанно смешивал гласные с согласными и заставлял повторять фразу, что было тяжёлою пыткой для стучащего».

<...> Там же, где не было келейного заточения, где заключённым приходилось жить совместно обществом и общиной, там, само собою разумеется, являлся язык, искусственно созданный из замаскированных слов, — образовался тюремный словарь.

Тюремный словарь невелик. <...> Сочинялись или принимались слова с ветру про дешёвый обиход тюремного быта в узких интересах замкнутой жизни настолько, насколько это нужно было против приставников, смотрителей и надзирателей. Кругозор невелик и искусственно сужен так, что приходится говорить непонятно для других в немногих случаях и не обо многом. Скрыть карточную игру, а с нею кое-какие недозволительные в тюрьмах удовольствия, — предостеречь товарищей, сговориться с ними, — для этих целей с двумя-тремя десятками слов тюремные сидельцы могут свободно и легко обходиться. <...> Хотя и дошли до нас глухие слухи о том, что, например, в южных русских тюрьмах по казематам существует другой язык, но фактических доказательств тому мы не получили (Замечено, например, что в Сибири термины, употребляемые при игре в карты, совсем другие. Это понятно из того, что по России в городских тюрьмах, где можно доставать карты в полном составе листов, арестанты играют в три листика. В Сибири они начинают играть в одно, потому

что добыча карт затрудняется, а принесённые из России измызгались, остались посвежее лишь убережённые бросовые от двойки до семёрки, ненужные при подкаретной игре. На них-то и основывается сибирская арестантская игра в одно со всеми приёмами, а стало быть, и терминами). <...>Мы имеем случай доказать это теми словами, которые подмечены Ф. М. Достоевским в омской военной тюрьме и которые не входили в пополнение собранных нами и не были считаны. Их также очень немного: м_е_л_к_о_з_в_о_н — обыкновенные кольчатые кандалы не из железных прутьев (первые носятся снаружи, вторые надеваются под панталоны); ч_и_с_т_я_к — хлеб из чистой муки без примеси мякины, т. е. обыкновенный хвалёный артельный хлеб; с_у_ф_л_ё_р_а — потаскуха, арестантская любовь; М_а_р_ь_я-и_к_о_т_н_и_ц_а — обыкновенная арестантская болезнь, зависящая от обыкновенно дурной и преимущественно сухой, без приварка, пищи; И_в_а_н-т_а_с_к_у_н — та же желудочная болезнь с более сильными и острыми припадками, зависящая от тех же причин; с_а_м_п_а_н-т_р_э — нюхательный и с_а_м-к_р_а_ш_э — курительный табак (В гражданских тюрьмах нюхательный табак — прошка, курительный — дым; селитра — гарнизонный и этапный солдат в Сибири; они же кисла-шерсть в русских тюрьмах), м_а_р_ц_о_в_к_а — обыкновенная тюремная пища — вода с хлебными корками, тюря (петерб. тюрьмы), и прочее, судя по тому, насколько озлоблена и остроумна община тюремных сидельцев. На этот последний раз в ней чувствуется влияние солдатского юмора, присутствие казарменных остряков, потому что и в самой тюрьме указано сидеть арестантам военных рот, после многих житейских мытарств присуждённым на каторгу в крепостях Сибири. В некоторых тюрьмах то же казарменное веяние не исчезает там, где, например, арестантские щи называются ш_у_р_и-м_у_р_и, острог — п_а_л_о_ч_н_а_я а_к_а_д_е_м_и_я, лишиться прав состояния — с_л_у_ш_а_т_ь_с_я б_а_р_а_б_а_н_н_о_й ш_к_у_р_ы, счастье — ф_а_р_т, арестанты — б_е_д_н_о_с_т_ь, обмануть — о_к_о_л_п_а_ч_и_т_ь. Само собою разумеется, что сочинение новых слов по вызову и вдохновению новой обстановки, не останавливалось за обилием готовых форм, оттого и новые выражения: с_т_р_е_л_я_т_ь_с_а_в_а_т_е_е_к — бродяжить, п_р_о_с_т_о_к_и_ш_к_и п_о_е_с_т_ь — неудачно сбегать и пойманым возвратиться обратно в тюрьму, г_о_р_б_а_ч — беглый, г_р_я_з_и н_а_е_с_т_ь_с_я — угодить на каторгу, прохожий, г_у_л_ь_н_ы_й — бродяга, с_в_о_е_р_у_ч_н_ы_й — фальшивый паспорт (самодельный), м_а_р_ш_р_у_т — бурак с припасами (сибирский туес), ж_ё_л_т_а_я п_ш_е_н_и_ч_к_а — контрабандное золото и проч. тому подобное, по случайным вызовам и вдохновению, которые не имеют предела.

Это присутствие сарказма, эти взрывы сердитого остроумия с беспощадным самоунижением составляют характерную особенность всех разбойничьих песен; оно же слишком приметно и знаменательно в сочинении слов не только новых, но и в древних тюремных. Вот: виселица — к_а_ч_а_л_к_а; тюрьма — к_а_м_е_н_н_ы_й м_е_ш_о_к; застенок — н_е_м_ш_о_н_а_я б_а_н_я (где людей весят, сколько кто потянет); стул железный (орудие пыток) — ч_ё_т_к_и или монастырские чётки; кистень — г_о_с_т_и_н_е_ц; тайная канцелярия — с_т_у_к_а_л_о_в м_о_н_а_с_т_ы_р_ь; помойная яма — с_у_х_о_й

к_о_л_о_д_е_ц; колодец — х_о_л_о_д_н_а_я б_а_н_я; грабёж — ч_ё_р_н_а_я р_а_б_о_т_а; воровство — п_о_х_о_д; мошенник — х_л_ы_н, хлыновец; мошенничество — т_и_х_а_я м_и_л_о_с_т_ы_н_я; разбойник — у_г_л_е_ц_к_и_й в_ы_е_м_щ_и_к; преступник — у_г_о_л_о_в_щ_и_к; пьяный — с_ы_р_о_й; тревога — м_е_л_к_а_я р_а_с_т_р_у_с_к_а; огонь — в_и_н_о_г_о_р; воры — к_у_п_ц_ы п_р_о_п_а_л_ы_х в_е_щ_е_й; вино — т_о_в_а_р и_з б_е_з_у_м_н_о_г_о р_я_д_а; каторга портовая и крепостная — х_о_л_о_д_н_ы_е в_о_д_ы; угнали в_о_р_а в Сибирь — улетел к_о_р_ш_у_н за море («Я не вор, а ворон-то ещё летает», — сказал Пугачёв Суворову). Железная клетка (в которой возили на казнь) — к_а_м_ч_а_т_к_а; самоубийство — с_а_м_о_с_у_д; болтливый на допросах (откровенный) — н_а_г_о_й; разбойничьи притоны — в_о_л_ч_ь_и г_н_ё_з_д_а; погоня — в_о_л_н_а (волна ходит — погоня послана); делать фальшивую монету — т_я_н_у_т_ь з_а_п_о_в_е_д_н_о_е с_е_р_е_б_р_о, и проч. Этот дешёвый и обычный приём словосочинения завещан и нынешним мелким ворами, которые составили и составляют уже настоящий искусственный язык. В нём убереглось немного слов от старины: м_а_з — атаман разбойничий начала прошлого столетия, у мазуриков в значении заводчика воровского дела и старого опытного вора. Старинный же д_у_л_ь_я_с (огонь) взят из языка офеней: дулик и дульяс; д_у_в_а_н_и_т — также, с_л_а_м — оттуда же, я_м_а_н — тоже общее слово. Х_а_з — разбойничий, в смысле избы, попадаетеся нам в отвернической речи (Могил. губ.). В народной памяти из разбойничьего языка сохранилось лишь только роковое выражение, страшное своим значением: «сарын на кичку». При лозунге ясыке или ясаке бурлаки этим обязаны были пасть ниц и не шевелиться, пока разбойники не ограбят и не разведаются с хозяином судна.

<...> Были, впрочем, и готовые слова, из которых старинные воры (например, в прошлом столетии) могли составлять целые тёмные фразы, понятные по языку и современным мазурикам. У Ваньки Каина в собственном его сказании встречаются две: «когда маз на хаз, то и дульяс погас» (когда атаман в избу, то и огонь погасили, выговорил он, когда забрался в чужой дом с шайкою) и «трека калач ела, стромык сверлюк страктирила» — с воли сказал товарищ заключённому, извещая его о том, что в калаче, который он подал Христа ради при сторожах-свидетелях, положены ключи отпереть замок кандалной цепи.

Вопросы для самоконтроля

1. Охарактеризуйте причины появления такого вида наказания как каторга.
2. Определите, что являлось целью наказания в виде ссылки на поселение.
3. Расскажите об эволюции русской каторги в XVII–начале XX века.
4. Выделите основные этапы становления ссылки как формы наказания.
5. Перечислите основные нормативные акты, закреплявшие меру наказания в форме каторжных работ.
6. Перечислите основные нормативные акты, закреплявшие понятие ссылки как меры наказания.
7. Охарактеризуйте систему конвоирования арестантов к месту отбывания наказания.
8. Раскройте особенности положения каторжан на о. Сахалин.

Список использованных источников и литературы

1. Анисимов, Е. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. — Режим доступа: http://modernlib.net/books/anisimov_evgeniy_viktorovich/russkaya_pitka_politicheskiy_sisk_v_rossii_xviii_veka/read_24/.
2. Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. Энциклопедический словарь. — СПб.: Семёновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890–1907.
3. Бурдина, Д. А. Каторга на Сахалине в конце XIX — начале XX вв. // Молодой учёный. — 2017. — № 1. — С. 370–374. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/135/37922/>.
4. Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т. / Институт истории СО РАН: Историческое наследие Сибири. — Новосибирск, 2009 // АНО ИркипедияRu. — Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/dekabristy_v_sibiri_istoricheseskaya_enciklopediya_sibiri_2009.
5. Максимов, С. В. Каторга империи. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. (Серия «Архив русского сыска»). — Режим доступа: http://az.lib.ru/m/maksimow_s_w/text_0090.shtml.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: с 1649 по 12.12.1825. — СПб., 1830. Т.т. 7, 9, 10, 12, 1830. — № 9293 // Государственная публичная историческая библиотека. — Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/nodes/178>.
7. Сулейманова, Г. И. Ревизия М. М. Сперанского // Молодой учёный. — 2016. — № 15. — С. 381–383.
8. Тимофеев, В. Г. Уголовно-исполнительная система России — цифры, факты и события. — Режим доступа: https://e-reading.mobi/bookreader.php/56345/Timofeev_-_Ugolovno-ispolnitel%27naya_sistema_Rossii_-_cifry%2C_fakty_i_sobytiya.html.
9. Чехов, А. П. Остров Сахалин. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1981. — 85 с.

учебное издание

кандидат исторических наук, доцент
Ольга Александровна БЕЛОУСОВА

ССЫЛКА И КАТОРГА В ЦАРСКОЙ РОССИИ

учебное пособие

Редактор: Н. В. Балашова

Корректор: Т. Б. Аристова

Подписано в печать 22.06.2018.

Формат 60x84 1/16. Бумага книжно-журнальная.

Усл. печ. л. 2,32. Уч.-изд. л. 2,52. Тираж 30 экз. Заказ № 33.

Организационно-научное и редакционно-издательское отделение
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
654066, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49
e-mail: nauka@kifsin.ru

Отпечатано в типографии
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
654066, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49